

В. И. Цепилова

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Историческую науку сегодня трудно представить без трудов эмигрантов 20–30-х годов XX века. Интерес к данной проблематике вызван не только новизной материала, новыми политическими реалиями, но и мировоззренческим кризисом, поиском новых научных парадигм.

Цель данной статьи – проанализировать наиболее крупные работы, посвященные историко-научному сообществу русского зарубежья, и определить задачи дальнейших исследований в данной области.

Перестройка и процессы демократизации дали возможность исследователям непосредственно познакомиться с жизнью и творчеством историков-эмигрантов. Во второй половине 80-х годов XX века эта тема еще не выделилась в самостоятельное направление и рассматривалась в контексте зарождающегося эмигрантоведения.

В 90-е годы появляются первые исследования обобщающего характера. В монографиях В. Т. Пашуто и М. Раева [Пашуто, 1991; Раев, 1994], написанных с разных методологических позиций, являющихся пока единственными комплексными исследованиями по исторической мысли русского зарубежья, мы можем отметить как общие, так и специфические моменты. Оба исследователя, анализируя деятельность как научных сообществ, так и отдельных представителей науки, выделяют два основных методологических направления (позитивистское и теософское, или религиозноведческое); оба признают, что эмиграции не удалось создать оригинальных трудов, внести серьезный вклад в мировую историческую науку. Основной причиной такого положения они считают следование позитивистской методологии, отсутствие источниковой базы, материальные трудности, связанные с жизнью на чужбине.

При оценке монографии Пашуто интересной представляется точка зрения С. П. Бычкова и В. П. Корзун [Бычков, Корзун, 2001: 209]. Они первыми отметили переходный характер работы: от прежних установок, когда периодизация исторической науки за рубежом связывалась в марксистской трактовке с «кризисом капитализма», – к новому осмыслению проблем теоретико-методологического и личностного уровня русской эмигрантской историографии.

Нам представляется спорной трактовка этого «переходного характера». Общее содержание монографии, выводы, как по главам, так и общие, периодизация историографических работ не дают серьезных оснований говорить о новом осмыслении теоретико-методологических проблем. Новизна подхода к наследию, на наш взгляд, касалась только признания вклада эмигрантов в постановку и решение частных проблем, введение в научный оборот новых источников.

Являясь человеком своего времени, Пашуто остался верен своим научным принципам, не смог преодолеть того «разоблачительного подхода» к трудам историков-эмигрантов, который был свойствен советской историографии. С этой точки зрения приемы и методы критики историков-эмигрантов Пашуто представляются нам «классическими», традиционными для советской историографии. Вместе с тем, понимая ценность сделанного учеными зарубежья, как профессионал, он многое сделал для того, чтобы часть «наследства» оказалась на родине. Он первый попытался осмыслить это наследие, и уже в этом мы видим ценность его работы. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что монография не была завершена автором.

В сравнении с В. Т. Пашуто М. Раев больше внимания уделяет анализу трудностей жизни и творчества исследователей, анализирует труды тех, кто оказался не только в Европе, но и в Китае, США. Очень широко применяется сравнительный метод, что позволяет выявить специфику русской научно-исторической эмиграции. Этот метод применяется и при анализе трудов исследователей, что дает возможность увидеть своеобразие подходов историков к прошлому России в рамках одной методологической схемы. Хорошее знание европейской бытовой культуры позволило создать убедительный рассказ о психологической обстановке, в которой жили историки-эмигранты. Живой разговорный язык, явное сочувствие автора к судьбам изгнанников делает монографию доступной и увлекательной для массового читателя.

Вместе с тем, на наш взгляд, не бесспорными видятся некоторые выводы, касающиеся вклада ученых-эмигрантов в российскую и мировую историческую науку, даже с учетом замечания автора, что эта оценка не касается историков всеобщей истории. Конкретно-исторические исследования 90-х годов XX века в целом отвергают этот вывод.

Автор, определяя эмигрантскую историографию как «нетворческую и неоригинальную» [Раев, 1994: 207], главную причину этого видит в методологии позитивизма. Даже в евразийском направлении, которое анализируется весьма бегло, М. Раев не видит ничего нового. По его мнению, «евразийцы не предложили полноценной альтернативы позитивистской схеме». Более того, характеризуя пятитомную историю России Г. В. Вернадского, он говорит о том, что она написана скорее в духе позитивизма, чем евразийства [Раев, 1994: 212].

Многие особенности творчества историков-эмигрантов, как нам представляется, совершенно справедливо М. Раев выводит из того, что среди эмиграции, особенно в первые годы, преобладало мнение о скором возвращении на Родину. С точки зрения автора, необходимость зарабатывать средства на жизнь отвлекала от научной работы, определенный этноцентризм не позволял большинству историков обращаться к изучению иностранных архивных источников по истории России (за исключением Е. Ф. Шмурло и А. В. Флоровского). По мнению автора, сами эмигранты не проявляли интерес к научным трудам по истории России, что объясняется тем, что, пережив катастрофу 1917 года и ужасы Гражданской войны, люди «устали от истории». Поэтому больший интерес вызывали мемуары, исторические романы. Отношение же историков к недавним событиям проявлялось не в научных статьях, а в публицистике, что объясняется как близостью событий по времени, так и отсутствием источниковой базы.

Сравнивая русскую, польскую 30–40-х годов XIX века и немецкую антифашистскую эмиграции, автор приходит к выводу, что первая не внесла ниче-

го нового в мировую историческую науку. Причины этого М. Раев видит в том, что русские были и остались эмигрантами. Кроме того, за рубежом практика и традиции научной жизни были иные, чем в России, и ученым-эмигрантам не удалось приспособиться к ним. Трудности были связаны и с тем, что история России не представляла интереса для европейского научного сообщества, а сами историки не проявляли интереса к работе с зарубежными архивными источниками по истории страны.

Анализируя тематику исследований историков-эмигрантов, М. Раев выделяет продолжение и расширение социально-экономической проблематики (С. Пушкирев), изучение элементов местной или региональной автономии и инициативы (С. Сватиков, Б. Нольде). Принципиально новое направление в русской историографии, по мнению Раева, было положено работами Г. В. Флоровского и Г. П. Федотова, которые означали новый подход к интеллектуальной истории, имели сходство с контекстуалистическим методом и были полностью восприняты после Второй мировой войны политической мыслью. Незавершенное исследование Федотова, посвященное русскому религиозному сознанию, положило начало изучению антропологии религии в историческом контексте. Истоки этого направления М. Раев видит в Серебряном веке, в развитии идей, сформулированных «Вехами».

Подводя итоги исследования, М. Раев отмечает, что русская эмиграция выполняла задачи, которые стояли перед ней: сохранила традиции и ценности дореволюционной России; продолжила творческую деятельность, начало которой было положено Серебряным веком; стала посредником по передаче современной России достижений западной культуры 20–30-х годов XX века.

Центральной фигурой современных исследований, как российских [Вандалковская, 1992], так и зарубежных [Бирман, 1997; Эммонс, 2000; Брейяр, 1993], стал П. Н. Милоков. Основное внимание авторы уделяют анализу работ, созданных историком до эмиграции, в меньшей степени – трудам эмигрантского периода. Исключение составляют Бирман, Медушевский, но выводы последнего представляются нам не бесспорными, в частности, утверждение, что при анализе событий 1917 года в России Милоков проявил «академический подход к событиям, закончившимся для него поражением как политического деятеля», что «ученый перевешивал в нем политика», что «концепция Милокова не утратила своего значения до сих пор...» [Медушевский, 1991: 39–40].

Несколько нетрадиционной является статья С. Брейяра, которая попыталась представить П. Н. Милокова прежде всего как человека. В основу статьи были положены воспоминания Р. Г. Винавер, Р. Гуль, И. В. Гессена, М. Вишняка и др. Это делает материал интересным для широкого читателя, но вместе с тем автор, на наш взгляд, идеализирует своего героя.

Значительный интерес представляет статья Т. Эммонса, который дает сравнительный анализ изданий «Очерков» П. Н. Милокова, выявляет эволюцию взглядов историка в эмиграции. Если в дореволюционных изданиях Милоков представлял государство как «творителя общества», то в юбилейном издании он уже говорит об их взаимодействии. В эмиграции был расширен третий том за счет анализа развития культуры в Советской России. Наконец, понятие «своеобразие» было снижено до идеи отсталости или замедленности [Эммонс, 2000: 33–61].

Вклад П. Н. Милокова в отечественную историографию показан в упомянутом выше учебном пособии С. П. Бычкова и В. П. Корзун. Авторы отмеча-

ют, что в его работах впервые была широко поставлена и разработана проблема эволюции методологических основ русской исторической науки и мысль исследователя приближалась к современному видению диалога культур [Бычков, Корзун, 2001].

Некоторая «затененность» А. А. Кизеветтера фигурой П. Н. Милюкова в монографии М. Г. Вандалковской [Вандалковская, 1992; 1993] в определенной степени преодолена в статьях самой исследовательницы, посвященных творчеству историка. Однако эти работы носят очерковый характер, поэтому признать их исчерпывающими тему не приходится.

Особенно большое внимание исследователей привлекло евразийское направление, что связано как с новизной этого направления в исторической мысли русского зарубежья, так и с современным состоянием исторической науки в России [Соничева, 1994].

Исследователи отмечают особое влияние революционных событий на появление евразийства, рассматривая его как своеобразную реакцию на потрясения 1917 года и кризис позитивизма. Но важно, на наш взгляд, отметить, что интерес к ранней истории славян, их взаимодействию с кочевниками и некоторые подходы к проблеме российской государственности сформировались у Г. В. Вернадского еще до революции. Интерес к исследованиям древнейших культур сохранился у Вернадского и в эмиграции. В 1924 году в течение года он работал в семинарии Н. П. Кондакова.

Говоря об исторических предшественниках евразийства, представляется необходимым отметить и влияние историков всеобщей истории. Не случайно Н. П. Кондаков в письме к Жебелеву говорит, «что кроме христианского искусства, данного греко-римским миром, средневековое имело еще почти тысячелетнюю историю искусства и культуры варваров. Все эти варвары или принесли с собою, или восприняли заимствованную кочевниками древнеазиатскую культуру... Ясно, какое значение получают славянские племена в смысле пассивного хранения исторического прошлого» [Тункина, 2000: 232]. На юбилейном чествовании академика Вернадский подчеркнул мысль о том, что Кондаков был свободен от предвзятого отношения к европейской культуре как высшей ступени развития человечества, что все другие культуры – лишь низшие подготовительные ступени. С его точки зрения, «развитие культуры идет не только по восходящей линии, но одновременно по различным линиям в разных направлениях. Отсюда следуют два вывода: существование в различных и часто отдаленных от нас периодах искусства и культуры таких достижений, которые потом вновь достигнуты не были. Другое следствие – признание ценности культуры и искусства тех народностей и ступеней быта, за которыми обычно высот достижений всерьез не признается» [Вернадский, 1924].

Философские основы исторической концепции евразийского направления рассмотрены в ряде статей С. Хоружего [Хоружий, 1992: 78–84; 1994: 52–61]. Возникнув как пореволюционное течение, евразийство отталкивалось как от прошлого (императорской России), так и от чужого (Европы). Отметив сходство со Шпенглером, Хоружий подчеркивает, что сторонников евразийства отличала эмоциональность. Обращая внимание на близость евразийцев и славянофилов, он говорит о «крене в Азию», более материалистическом, жестком воплощении идеи православия, что вело к утрате такого качества славянофилов, как всечеловечность.

По мнению Хоружего, в сравнении с В. Ключевским П. Н. Савицкий ярче показал влияние среды обитания на склад национальной культуры, а

Н. С. Трубецкой выступил как первый идеолог антиколониального движения. Таким образом, истоки евразийства автор видит как в мировой, так и в российской философской и исторической мысли. Резюмируя, автор говорит о том, что в их культурфилософских взглядах было немало свежих подходов и наблюдений, что было связано с невысокой политизированностью движения в начальный период зарождения движения.

Антизападная направленность, по мнению автора, придавала евразийству цельность, служила основным методологическим принципом. Она привела к отказу от позитивистской теории прогресса, идее о самоценности и равноценности всех этноисторических субъектов. Автор статьи видит в этом плодотворный элемент – протест против форсированной европеизации, нивелировки, стирания этнокультурного своеобразия. Безраздельное господство европейской модели культуры таило в себе тоталитарную тенденцию, и евразиец Трубецкой выступил против этой тенденции, опередив свое время.

Оценивая положительно некоторые идеи евразийцев, Хоружий вместе с тем говорит и о низведении культуры евразийским направлением в разряд органических категорий, забвении ее творческой и духовной сути; преувеличенном внимании к географическому фактору при оценке исторических процессов. Если в историософии евразийцев автор видит положительные и плодотворные элементы, то их конкретно-исторические взгляды – положительное влияние татар на формирование российского государства, определяющая роль туранского элемента в становлении русского этноса, определение стратегии и геополитики России – характеризуются автором статьи как несложные и утопические. Этот вывод, в сущности, повторяет критику, данную евразийскому направлению еще в 20–30-е годы XX века.

Собственно историческим взглядам евразийского направления посвящен ряд работ, вышедших в 90-е годы XX века. Н. Е. Соничева одной из первых отметила, что в творчестве Г. В. Вернадского тесно переплелись русская, европейская и американская историографические традиции; что принципиальная новизна его подхода к историческим процессам в России заключалась в том, что «предметом рассмотрения была избрана не история отдельной национально-государственной общности, а процесс развития той природно-социальной целостности (Евразии), на фоне которой и может быть правильно понято историческое место каждого народа» [Соничева, 1994; 82–91].

Особенностям евразийского видения истории России посвящена статья И. В. Виленты, которая подчеркивает, что они расширили хронологические рамки отечественной истории, увеличив ее начальный период, включив в него дославянские народности [Вилента, 1998: 27–42]. Что касается выделенных автором черт евразийской концепции истории, а также изложения собственно исторического пути России, то, на наш взгляд, здесь нет никакой новизны.

Взгляды евразийцев на революцию 1917 года анализирует Е. А. Гогохия [Гогохия, 1998: 54–67]. Рассматривая революцию как единый процесс, евразийцы вывели собственную формулу революции: главным признаком ее завершенности было наличие у новой власти государственного начала. К сожалению, как и предыдущая статья, данная работа страдает описательностью, анализ подменяется цитированием трудов.

Значительная часть эмигрантов точкой отсчета потрясений 1917 года считала преобразования Петра I. Но истоки этого процесса виделись либо по-разному, либо события далекого прошлого интерпретировались различно. Именно на основе сопоставления можно выделить особенности видения ев-

разийцами причин российской революции. Если для П. Н. Милюкова одной из коренных причин революции была «недоразвитость» России, для Г. П. Федотова – невыполнение монархией своей просветительской миссии, то евразийцы рассматривали ее как реакцию на «европеизацию» России.

При оценке евразийства методологически верной представляется нам мысль В. А. Дьякова о том, что теоретическую суть и научную аргументацию евразийской доктрины историко-культурного развития следует четко отделять от политических интерпретаций этой доктрины [Дьяков, 1993: 110].

При этом нам хотелось бы обратить внимание на то, что евразийство не только сложная система взглядов, что обычно отмечают все исследователи, но его историческая часть представляет синтезированный вариант отдельных гипотез предшественников. Все это ставит задачу продолжения работы по изучению данного направления.

Определенный задел сделан современными исследователями в изучении вклада эмигрантов в мировую историческую науку, в становление и развитие исторического знания в молодых государствах, образовавшихся после Первой мировой войны. Л. П. Лаптева убедительно доказывает, что А. В. Флоровский стал основоположником русистики в Чехословакии. Е. П. Аксенова аргументированно говорит о том, что историк положил начало новому направлению в историографии – исследованию русско-чешских связей. М. Ю. Досталь отмечает вклад Е. Ю. Перфецкого в исследование истории Подкарпатской Руси. Вклад эмигрантов в становление высшей школы и подготовку специалистов подчеркивают зарубежные исследователи [Русская эмиграция..., 1996].

В литературе довольно подробно рассматривается сюжет о «русской акции» Т. Масарика, которая позволила многим историкам продолжать научную и педагогическую деятельность, способствовала решению проблемы образования эмигрантской молодежи [Sladek, 1994; Кишкин, 1996].

Особое внимание современные авторы уделяют методологии познания истории эмигрантов. В статье В. Ф. Бойкова отмечается, что Г. П. Федотов измерял исторический путь России идеалами гуманизма, под которыми он понимал культуру человека как творческой личности [Бойков, 1991]. А. Л. Ястребицкая не соглашается с общепринятой оценкой творчества Л. П. Карсавина как эволюции от истории к философии. С ее точки зрения, конкретно-исторические исследования Карсавина и его «метафизика» исходят из одной идеи – истории как истории культурной и культурно-исторического синтеза как единственно научного метода познания. В этом смысле идеи «всеединства», сформулированные Карсавиным, стали одним из истоков европейской школы «Анналов» и исторической антропологии [Ястребицкая, 1996]. Д. М. Володихин подчеркивает, что принципиально новыми для того времени были подходы Р. Ю. Виппера к теории прогресса, роли культуры, к определению места индустриализма в истории человечества, приоритетных предметов исторического познания [Володихин, 1999].

Анализ изданной литературы по исторической мысли русского зарубежья показывает, что пройден значительный этап в осмыслении деятельности историков в эмиграции. Достаточно хорошо исследована деятельность научных центров русского зарубежья, раскрыты объективные и субъективные трудности творчества. Внимание современных исследователей привлекли проблемы методологии познания исторических процессов, вклада эмигрантов

в российскую и мировую науку. Анализ литературы показывает стремление авторов дать объективную оценку трудов эмигрантов.

Большая часть публикаций посвящена известным историкам, которые оказались за границей уже в зрелом возрасте и имели известность в научных кругах дореволюционной России, а некоторые – мира. Значительное внимание уделяется анализу работ, написанных еще до революции, в меньшей степени – собственно эмигрантскому наследию.

Как справедливо отметила В. М. Селунская, существует серьезный разрыв между темпами развития конкретно-исторических исследований, посвященных историко-научному сообществу в эмиграции, и историографическим осмыслением его творческого наследия. Это ставит задачу обобщения и критического анализа литературы, вышедшей не только в последнее десятилетие, но и в предыдущие годы как в России (СССР), так и за рубежом.

Список литературы

Аксенова Е. П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994.

Бирман М. А. К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Милюкова // Отеч. история. 1997. № 1.

Бойков В. Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991.

Брейяр С. Портрет Милюкова // Отеч. история. 1993. № 3.

Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001.

Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

Вандалковская М. Г. Задачи изучения эмигрантской исторической науки // Проблемы изучения истории российского зарубежья. М., 1993.

Вернадский Г. В. О значении научной деятельности Н. П. Кондакова: К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924.

Вилента И. В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вести. МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 1.

Володихин Д. М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера // Вопр. истории. 1999. № 2.

Гогохия Е. А. Евразийская мысль об истоках русской революции // Вести. МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 5.

Досталь М. Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе // Сов. славяноведение. 1993. № 4.

Дурновцев В. И., Соничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский. Т. 1: Отечественная история // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000.

Дьяков В. А. О научном содержании и политических интерпретациях историософии евразийства // Славяноведение. 1993. № 5.

Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4.

Медушевский А. Н. П. Н. Милюков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4.

Паишто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. Иркутск, 1994.

Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.

Селунская В. М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории российского зарубежья первой половины XX века // Источники по истории адаптации российской эмиграции в XIX–XX вв. М., 1997.

Соничева Н. Е. Патриарх русской историографии в США // Библиография. 1994. № 6.

Тункина И. В. Академик Н. П. Кондаков: пражские письма на Родину // Зарубежная Россия. СПб., 2000.

Хоружий С. С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопр. философии. 1992. № 2.

Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Там же. 1994. №11.

Эммонс Т. «Запоздалость» или «своеобразие»? Проблема русского исторического процесса П. Н. Милюкова // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы междуна-род. науч. конф., Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000.

Ястребицкая А. Л. Л. П. Карсавин // Вопр. истории. 1996. № 8.

Sladek Z. Praga: Das russische Oxford // Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von Karl Schlogel. Munchen, 1994. S. 218–233.